

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ –
НЕИСТОЩИМЫЙ РЕСУРС
ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**INTELLECTUAL CAPITAL
IS AN INEXHAUSTIBLE RESOURCE
FOR THE SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Интеллектуальный капитал любой страны есть не что иное, как его стратегическое средство для достижения экономического развития и лидирования на международной арене. И этот ресурс должен быть соответствующим образом сориентирован на удовлетворение важнейших и первоочередных нужд страны, общества и народного хозяйства.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, интеллектуальный капитал, денежный капитал, инвестиционный процесс, инвестиционный потенциал, инвестиционные ресурсы, национальный интерес, экономическое развитие.

The intellectual capital of any country is nothing more than its strategic means for achieving economic development and leading in the international arena. And this resource should be appropriately oriented to meet the most important and urgent needs of the country, society and the national economy.

Keywords: social and economic development, intellectual capital, money capital, investment process, investment potential, investment resources, national interest, economic development.

Интеллектуальный капитал представляет собой ресурс, который можно наращивать практически без ограничений, до бесконечности. При этом, как подчеркивает профессор Я.Д. Вишняков, «кадры и система образования... по современным международным оценкам приравниваются к недрам и другим основным ресурсам государства» [2, с. 181–182], которые не вечны и не возобновляемы и даны нам как бесплатный дар природы.

А интеллектуальный капитал не дается от природы, он создается усилиями людей, и этот процесс требует вложения значительных финансовых и материальных затрат. И этот ресурс, еще при планировании работ по его созданию и в процессе этих работ, должен быть соответствующим образом сориентирован на удовлетворение

¹ Кандидат экономических наук, руководитель Центра фундаментальных и прикладных исследований Института налогового менеджмента и экономики недвижимости, преподаватель Налогового института АНО ВО «Российский новый университет»; аттестованный консультант по налогам и сборам.

© Сулейманов М.Д., 2017.

важнейших и первоочередных нужд страны, общества и народного хозяйства. А дальше он должен быть еще и «сформирован» в паттерны и модели, пригодные для эксплуатации в реальном секторе экономики или в социальной сфере.

И при этом не следует забывать и о временном факторе, поскольку конкретные составные части интеллектуального капитала с течением времени неизбежно подвергаются обесценению, «моральному износу».

Но накопленные знания людей сами по себе еще не становятся капиталом; чтобы они стали капиталом, т.е. «самовозрастающей стоимостью», нужны усилия и затраты для: а) придания продукту работы ученых и исследователей соответствующей правовой формы и необходимой «технологической оболочки»; б) создания в экономике такой среды, которая бы предъявляла спрос на изобретения и новые разработки.

Действительно, интеллектуальный капитал, в отличие от других видов инвестиционных ресурсов страны, нуждается в его особенной защите средствами государственно-правового регу-

лирования. Без этого условия знания и умения людей остаются лишь их преходящим достоинством, с уходом или отъездом из страны людей – носителей этих знаний и умений – теряется для этой страны и возможность капитализации этого достояния.

И, самое главное, этот интеллектуальный капитал должен быть востребован, поскольку любая научная мысль, любое самое «прогрессивное» изобретение нуждается в технологических условиях, позволяющих придать им форму, удобную для потребителей, и в технико-экономических обоснованиях, доказывающих возможность производить эти «формы» по ценам, доступным для потребителей.

В СССР весь этот процесс в формальном плане был вполне обустроен и обеспечен как в кадровом, так и в материально-техническом и финансовом отношении. Сейчас говорят, что он был недостаточно эффективен. Но с этим никак нельзя согласиться. Если взять самые сложные технические системы и устройства – «средства войны», то и в ракетно-ядерном оружии, и в обычных вооружениях СССР не уступал ни одной стране мира, а с США был достигнут в целом глобальный паритет, как по общей военной мощи, так и по способности поразить территорию противника.

Как напоминает нам генерал-лейтенант В.П. Стародубов, который из своих 47 лет службы в ВС более 20 лет имел дело непосредственно с учреждениями оборонной науки: «В советской науке было занято на треть больше ученых, чем в Соединенных Штатах. Причем, в отличие от США, в подавляющем большинстве советские ученые были подготовлены в собственной стране, США значительную часть ученых импортировали [3, с. 38].

Интересно также отметить и такой факт. В конце 1980-х гг. по заданию Президента США был подготовлен совершенно секретный доклад-исследование, в котором точно персонифицированы все сделанные в этой стране за последние 80 лет сколь-нибудь значимые исследования, открытия, разработки и т.д.

Результат Президента США неприятно удивил: оказалось, что 85% из этих работ выполнены выходцами из территорий Российской империи (включая Польшу и Финляндию) [2, с. 182].

А для нас проблема была в другом. Во-первых, этого паритета СССР добивался с крайним перенапряжением сил, поскольку в экономическом смысле СССР всё еще существенно отставал от США, и у США еще были такие мощные партнеры, как Великобритания и Фран-

ция, которые брали часть бремени гонки вооружений «на свои плечи», и такие союзники, как Япония и Германия, достигшие близкого к США общего уровня промышленного развития, позволявшего им поддерживать взаимовыгодный широкий обмен высокотехнологичной продукцией. У СССР таких мощных партнеров и союзников не было, Чехословакия и ГДР могли кооперироваться с СССР только по ограниченному набору отраслей и производств.

Во-вторых, военно-промышленный комплекс СССР создавался из предприятий, изначально нацеленных только на производство вооружений и военной техники. Для работы по более широкому ассортименту продуктов и изделий этим предприятиям не выделялось ни средств, ни материалов. В итоге эти предприятия, целиком ориентированные для работы на оборону, полностью зависели от госзаказа, а государство, таким образом, теряло необходимую гибкость в распоряжении своими ограниченными ресурсами – оно было вынуждено заказывать и закупать продукцию этих предприятий, хотя в этом не было особой необходимости. Главное было – загрузить работой многотысячные трудовые коллективы этих предприятий.

А в США была поставлена – и реализована – программа снижения доли военного заказа у крупнейших поставщиков Пентагона до 20% и менее. В результате государство могло более придирчиво относиться к разработкам и проектам, предлагаемым частными компаниями, и закрывать не оправдавшие себя или излишне дорогостоящие программы, не опасаясь рисков самоликвидации этих компаний.

И, с другой стороны, сами эти компании, на 80% своей продукции зависимые от изменчивой конъюнктуры свободного рынка, стали еще более внимательно относиться к работе с военным заказом, понимая, что только при полном удовлетворении технических условий, предъявляемых заказчиками, они могут добиваться долгосрочного сотрудничества с ними. А наличие в их портфелях государственных заказов помогало им укреплять отношения с поставщиками и банками, а также позволяло им более уверенно планировать свои НИОКР и вложения в модернизацию производственных процессов.

В-третьих, в СССР государство жестко ограничивало применение изобретений и технологий, разработанных для военных целей, в гражданском производстве. Соответственно, предприятия не могли тиражировать эти разработки при производстве продукции для потребительского рынка, и, соответственно, лишались воз-

возможности получать от этого дополнительные доходы. А государство, в свою очередь, лишалось потенциальных поступлений от налогообложения прибылей этих предприятий.

То же самое касалось и научно-исследовательских учреждений, работавших по оборонному заказу. У них не было ни свободы загружать себя темами гражданского профиля, ни возможности продавать «на сторону» или адаптировать результаты своих военных разработок для нужд гражданских производств.

И, наконец, поскольку у оборонных НИИ не было возможности зарабатывать на продаже своих исследований и разработок «посторонним клиентам», то у них и не было интереса каким-либо образом заботиться о защите своих прав на эти исследования и разработки.

Всё это привело к тому, что в СССР так и не сложился нормальный процесс формирования, накопления и оборота интеллектуального капитала так, как это было уже налажено в западных странах, с правильным распределением и взаимоуравновешиванием интересов государства, НИИ и предприятий ВПК, и гражданского сектора экономики.

А отсюда, в СССР и не было возможности правильно строить и отслеживать – в разрезе не столько для ВПК и ВС, но в разрезе народного хозяйства в целом, – весь баланс затрат и результатов по формированию и использованию интеллектуального капитала страны.

Сейчас мы знаем, каковы были затраты, но мы не можем им противопоставить «эффекты» от этих затрат (хотя формально «эффективности» НИОКР в народном хозяйстве рассчитывались, но доверять этим данным нельзя), а отсюда, мы не можем ничего сказать о конечном балансе между этими величинами.

Но можно сказать о реальных потерях за период постсоветского развития России. Сотни тысяч ученых покинули и науку, и страну, из числа ученых высшего уровня до 50% покинули страну еще до начала 2000-х гг. А как подсчитал академик С. Глазьев, эмиграция 100 тыс. ученых эквивалентна экономическому ущербу в 80 млрд долл [2, с. 72].

Сейчас же объем финансирования российской науки в десятки раз меньше, чем в развитых странах, а затраты на НИОКР в расчете на душу населения более чем в 20 раз меньше соответствующего показателя США.

И как отмечается в докладе ЦРУ США, «в настоящее время научно-техническая сфера в России находится в критическом состоянии. Продолжает резко падать спрос экономики на

научно-техническую продукцию и на научно-технические достижения в области передовых технологий, стремительно снижается достигнутый ранее уровень фундаментальной науки. Наука (русская) практически деградирует [3, с. 39].

В постсоветском периоде основное внимание властей уделялось проблемам приватизации госсобственности («снять излишнее бремя с государства») и достижению бюджетного равновесия («свести концы с концами в денежных делах правительства»). Когда за бесценок уходили в частные руки огромные природные ресурсы и промышленные капиталы в ведущих отраслях экономики, то до интеллектуального капитала никому не было дела.

Так, ушли, в основном, «под крыло» иностранных собственников известные водочные бренды (водка «Московская», «Столичная»), бренды кондитерских изделий, шоколада и т.д., а ставший вмиг «бесхозным» российский рынок заполнили торговые марки и бренды крупнейших западных компаний.

Одновременно мы забыли и об именах наших соотечественников – имена с мировым потенциалом, которые в любой другой стране приносили бы многомиллионные прибыли: имена Федора Шаляпина, Галины Улановой, Льва Яшина. То, что только сейчас пытаются сделать с именем Валерия Харламова.

Мы не смогли запатентовать автомат Калашникова, легендарные МИГи, танки Т-34, суда на воздушной подушке и многое другое из военной техники, всё, что в других странах много тиражировалось и сейчас служит предметами коллекционирования.

Мы даже упустили имя Гагарина (аэропорт в Марселе носит имя летчика и писателя Сент-Экзюпери, который, при всем к нему уважении, с Юрием Гагариным не идет ни в какое сравнение) и бренд «спутник».

Теряет также свое прежнее влияние в мире и сам русский язык. И это несмотря на то, что сейчас в Европе стараниями Болгарии кириллица становится официальным алфавитом Евросоюза (чеканятся уже монеты и печатаются банкноты с евро, написанным русскими буквами).

А новые торговые марки и бренды, которыми сейчас «оснащается» продукция российских предприятий, уже с самого начала регистрируются и получают правовую защиту в других странах, но не в России: пиво, сигареты, водки, швейные и обувные изделия и т.д.

И, как очевидно, этот процесс никем и никак не контролируется и не регулируется. Напротив,

существующие в этой сфере институции и ведомства делают, кажется, всё возможное, чтобы только затруднить процесс регистрации прав и патентов для российских заявителей.

Зато Генеральная прокуратура РФ проявляет особую бдительность в защите интересов прав иностранных правообладателей против своих же российских граждан и предприятий. Кстати, в соседнем Китае в таких случаях «обиженным» иностранным компаниям предлагают просто обращаться в китайские суды и нанимать для этого китайских адвокатов.

А с научными кадрами дело обстоит просто катастрофически. Так, по данным, которые огласил Президент РФ В. Путин на совместном заседании Совета Безопасности и Совета при Президенте РФ по науке и технике 20 марта 2002 года, «за последние десять лет из России... за рубеж уехали более 200 тысяч первоклассных ученых, а всего за этот же период из науки ушли около 800 тыс. человек» [3, с. 38].

При этом страну покидали в первую очередь те люди, которые были и остаются востребованными за рубежом, то есть квалифицированные, как правило, уже имеющие опубликованные научные работы специалисты разных отраслей наук и техники в возрасте 30–40 лет. Значительная доля среди них – математики и физики. Для России это означало потерю до 80% математиков и 50% физиков.

А всего же, по оценкам экспертов, в разного рода программах, выполняемых в интересах военного ведомства США, в российских организациях задействовано около 8 тысяч российских специалистов. Полученные результаты по контракту принадлежат Америке, Россия воспользоваться ими не может [3, с. 39].

Сейчас, в условиях глобализации и усиления конкурентной борьбы на мировом рынке, пришло, видимо, время обратить внимание на защиту прав и интересов России и на рынке интеллектуального капитала (интеллектуальной собственности). Но для этого надо вначале создать все необходимые условия для образования и обращения интеллектуального капитала внутри нашей страны. В частности, надо выделить и правильно организовать работу в этой сфере по следующим основным направлениям (как отдельным составным звеньям, или этапам, общего процесса оборота и накопления интеллектуального капитала).

1. Процесс формирования интеллектуального капитала.

2. Образование, отбор перспективных ученых и исследователей.

3. Организация и проведение фундаментальных исследований.

4. Организация и проведение НИОКР.

5. Закрепление прав на открытия и изобретения (патентование в своей стране и за рубежом).

6. Использование результатов научных исследований и НИОКР: в сфере обороны, в народном хозяйстве, в продажах за рубежом.

Кроме того, надо разработать и утвердить на государственном уровне перечень наиболее «звездных» имен русской истории, которые мы должны продвигать на мировом рынке – всеми возможными способами и средствами. Юрий Гагарин здесь будет на первом месте.

Далее следует разработать программу восстановления и продвижения на мировом рынке определенных товарных брендов для российской продукции (к примеру, московская водка, вологодское масло, костромской лен и т.д.).

И следует также подумать о восстановлении репутации русского языка как языка передовой науки и техники. Но – это дальняя перспектива, однако кое-что можно сделать сразу, и без особых затрат.

Первое – это установление обязательства для всех членов РАН, что для каждой своей публикации на иностранном языке они должны будут, за три–шесть месяцев до этого, опубликовать этот же текст на русском языке в одном из журналов РАН.

Возможно, для этих целей можно будет начать издавать специальные «Анналы...» – по отдельным научным дисциплинам. Такое же условие следует ввести и для кандидатов в члены РАН – на срок не менее 5 лет до подачи ими такого заявления.

Второе – установить обязательство, что каждая иностранная компания, реализующая свои товары или услуги на территории РФ, при регистрации своей «родной» торговой марки или бренда должна будет одновременно и регистрировать ту же марку или бренд в кириллическом написании. Будет ли она использовать это название на своем продукте или нет, это – ее дело, но отдельная регистрация такого русскоязычного бренда (марки) должна быть обязательной.

И в заключение следует еще раз подчеркнуть, что результаты реформирования российской науки были заранее предсказаны всем сонмом зарубежных советников России. И не просто предсказаны – предписаны. Так, в книге эксперта Государственной думы В.И. Бабкина отмечается, что еще в 1994 г. ОЭСР был выпущен доклад, в котором прямо предписывалось «сократить раздутую, плохо адаптируемую систему, нахо-

дящуюся в состоянии стремительного ухудшения. В России существует чрезмерное изобилие квалифицированных ученых». И там же: «Советский Союз оставил России сомнительное наследие, имея в виду сектор науки и технологии. С одной стороны, – это лидирующие позиции в мире во многих областях фундаментальной науки, а с другой стороны, – отставание почти во всех областях промышленных инноваций» [1, с. 100–101].

Действительно, если такой разрыв есть, то надо что-то делать. Но, конечно, не подтягивать к науке промышленность – что сложно и небыстро, – а надо просто ликвидировать неоправданно «забежавшую вперед» науку.

И еще интересно, что авторы доклада ОЭСР умудрились как-то просмотреть использование научных достижений в ВПК России. А там оказался такой задел, что хватает и для нынешней модернизации российской армии.

Не «детали» главное. Главное – что есть заказ на ликвидацию научно-технического и промышленного потенциала России, и его приходится обрабатывать. И этот заказ был заложен в основу всех программ западной «помощи» России еще изначально. Как пишет В.П. Стародубов: «Энергичные действия младореформаторов всячески приветствовались (если не сказать – направлялись) зарубежными, в первую очередь американскими учеными и деятелями, многие из которых имели сомнительное отношение к экономике».

И с этим сейчас согласны и многие из непредвзятых мыслящих ученых за рубежом. В част-

ности, американский ученый-историк С. Коэн в своей книге «Провал крестового похода» пишет, что на Западе уже давно сложилось мнение, что если дело касается России, то «любая реформа должна носить разрушительный характер, и масштаб разрушения должен быть исторически беспрецедентным. Всё идет на свалку, включая экономические и большинство политических и социальных институтов и заканчивая физической структурой производства, капиталов и технологии» [3, с. 31].

И по их «благим советам» в России уже многое «перестроено», и многое «отреформировано». Но – не всё. И сейчас, когда нас тот же Запад «наградил» санкциями, самое время начать действовать уже по своим планам и в интересах самой России.

Литература

1. Бабкин В.П. От ликвидации науки – до ликвидации страны? – М., 2014.
2. Всероссийская научно-практическая конференция «Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии», 17–18 декабря 1997 г. : сборник материалов. – М., 1998.
3. Стародубов В.П. Россия – США. Глобальная зависимость. – М., 2004.
4. URL: <http://www.re.hse.ru/> – сайт Института налогового менеджмента и экономики недвижимости НИУ Высшей школы экономики.
5. URL: <http://rosnou.ru/> – сайт Российского нового университета.